
В этот раз
судьбу выбираю я.
Вторая Жизнь
княжны
Жемчужной
Александра Хартманн
18+

Александра Хартманн

Вторая жизнь княжны Жемчужной

https://litres.ru/74771099
SelfPub; 2026

Аннотация

Пять лет я была княгиней Рязановой — жила в доме мужа, носила его фамилию и ждала, что князь Андрей увидит во мне не обещание, данное моему погибшему отцу, а любимую женщину.

Но я так и не родила ему ребёнка. Оказалось, что настойка, которую я месяцами принимала в надежде стать матерью, медленно отравляла меня.

В тот же вечер я нашла среди бумаг мужа документы о разводе.

Решив, что Андрей хочет избавиться от бездетной жены, я подала на развод и уехала из столицы. После смерти дяди мне достались поместье на Ояти, несколько барж, старые японские книги и безумное, по мнению всех, дело — разведение речного жемчуга.

Мне пришлось спасать хозяйство, учиться управлять людьми и терпеть насмешки. Но однажды в русской воде появились первые жемчужины.

Вернувшись в Петербург в платье, украшенном жемчугом с Ояти, я стала для света не бездетной княгиней, а независимой женщиной.

И теперь бывший муж смотрит на меня со странным огнём в глазах.

Но мне уже всё равно.

Содержание

Глава 1. Бал у князей Голицыных 5
Глава 2. Горькая правда 31
Глава 3. Странная посылка 59
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Александра Хартманн
Вторая жизнь княжны Жемчужной

Глава 1. Бал у князей Голицыных

Я стояла перед зеркалом, и собственное отражение казалось мне чужим. Платье из бледно-розового атласа, расшитое мелким жемчугом, сидело безукоризненно – модистка из Парижа клялась, что в нём я буду похожа на весенний рассвет. Но рассвет этот был холодным, как и всё в нашем доме.

- Княгиня, серёжки готовы, - тихо сказала горничная Дуня, протягивая мне бархатный футляр.

Я кивнула, не глядя. В ушах уже висели тяжёлые, старинные, с крупными розовыми топазами — фамильные, тяжёлые, как упрёк. Они достались мне от бабушки, и бабушка, как говорили, родила шестерых здоровых детей. А я…

Не нужно было даже додумывать. Слова и так висели в воздухе, как запах воска в парадной зале — везде, но будто и нигде.

Дуня осторожно застегнула замочек, поправила локон, который выбился из причёски.

— Вы такая красивая, княгиня, — прошептала она, и в этом «красивая» слышалось столько жалости, что мне захотелось её остановить.

Но я только улыбнулась. Эту улыбку я научилась делать за пять лет брака: лёгкая, ничего не обещающая, ни о чём не просящая. Улыбка женщины, которая знает, что её главная обязанность — быть украшением вечера.

Андрей вошёл в комнату без стука. Он всегда входил так — уверенно, с чувством полновластного хозяина, которому принадлежал весь дом, включая меня. Высокий, красивый, статный, в парадном мундире, с орденами, которые звенели при каждом шаге. В свои двадцать девять лет он был генерал-адъютантом, героем войны и одним из любимцев императорского двора. Темно-русые волосы аккуратно зачёсаны, серые глаза — спокойные, холодные, как вода в Неве в октябре.

— Готовы? — спросил он, даже не глядя на меня, прове-

ряя запонки. — Надо быть у Голицыных не позже девяти. Нельзя опаздывать.

— Андрей, — я подошла ближе, стараясь говорить ровно, — мне нехорошо. Голова кружится. Может, мы не поедем? Я просто посижу, отдохну…

Он наконец поднял взгляд. Не на лицо — на моё платье. Потом чуть задержался на моих руках, которые слегка дрожали, но тут же отвернулся.

— Анна, это бал у князей Голицыных. Там вся знать. Ты знаешь, как это важно.

В его голосе прозвучало хорошо знакомое раздражение. Последние годы брака муж разговаривал со мной исключительно в таком тоне.

— Знаю, — тихо ответила я. — Но мне правда плохо.

Он вздохнул, и этот вздох был хуже любого упрёка.

— Это нервы, Анна. Ты сама себя изводишь.

Я сжала пальцы в кулаки, чтобы дрожь не была заметна. Он не понимал. Или не хотел понимать. Каждый вечер я глотала эти горькие отвары, которые мне прописывали врачи «для плодородия», и каждое утро просыпалась с тяжестью в груди и сухостью во рту. Но разве мужчине это объяснишь? Разве скажешь: «Я задыхаюсь от того, что мне дают, чтобы я родила тебе ребенка»?

— Я не капризничаю, — сказала я, стараясь не сорваться на шёпот. — Мне плохо.

— Тогда возьми себя в руки, — отрезал он, но уже мягче,

будто вспомнил, что я всё-таки его жена, а не строптивая девочка. — Это ненадолго. Поедим, потанцуем, вернёмся.

Я не стала спорить. Спорить с Андреем было всё равно что спорить с гранитным парапетом.

Карета ждала у подъезда. Кучер, увидев нас, поклонился. Андрей помог мне сесть, но его рука была твёрдой и чужой, будто он поддерживал не жену, а гостью, которую обязан доставить в целости.

По дороге я смотрела в окно. Петербург был прекрасен: фонари, снег, лёгкий мороз, который щипал щёки, когда я высовывалась из кареты. Но мне казалось, что город смотрит на меня с насмешливым любопытством: «Ну что, княгиня? Опять без ребёнка? Опять в красивом платье, чтобы скрыть пустоту?»

Я перевела взгляд на Андрея, сидящего напротив, тени скользили по его красивому лицу, глаза были обращены на улицу.

Как давно мы разговаривали просто, как муж и жена? Без необходимости куда-то спешить, без вечного напряжения?

Я не помнила.

Я хотела было открыть рот и начать разговор, но слова так и замерли на губах. Андрей даже не заметил мою попытку, всё так же неотрывно следя за прохожими на улице.

И я тоже отвернулась к окну.

Андрей вошёл в комнату без стука. Он всегда входил так — уверенно, с чувством полновластного хозяина, которому принадлежал весь дом, включая меня.

Высокий, красивый, статный, в парадном мундире, с орденами, которые звенели при каждом шаге. В свои двадцать девять лет он был генерал-адъютантом, героем войны и одним из любимцев императорского двора.

Темно-русые волосы аккуратно зачёсаны, серые глаза — спокойные, холодные, как вода в Неве в октябре.

— Готовы? — спросил он, даже не глядя на меня, проверяя запонки. — Надо быть у Голицыных не позже девяти. Нельзя опаздывать.

— Андрей, — я подошла ближе, стараясь говорить ровно, — мне нехорошо. Голова кружится. Может, мы не поедем? Я просто посижу, отдохну...

Он наконец поднял взгляд. Не на лицо — на моё платье. Потом чуть задержался на моих руках, которые слегка дрожали, но тут же отвернулся.

— Анна, это бал у князей Голицыных. Там вся знать. Ты знаешь, как это важно.

В его голосе прозвучало хорошо знакомое раздражение. Последние годы брака муж разговаривал со мной исключительно в таком тоне.

— Знаю, — тихо ответила я. — Но мне правда плохо.

Он вздохнул, и этот вздох был хуже любого упрёка.

— Это нервы, Анна. Ты сама себя изводишь.

Я сжала пальцы в кулаки, чтобы дрожь не была заметна. Он не понимал. Или не хотел понимать. Каждый вечер я глотала эти горькие отвары, которые мне прописывали врачи «для плодородия», и каждое утро просыпалась с тяжестью в груди и сухостью во рту. Но разве мужчине это объяснишь? Разве скажешь: «Я забываюсь от того, что мне дают, чтобы я родила тебе ребенка»?

— Я не капризничаю, — сказала я, стараясь не сорваться на шёпот. — Мне плохо.

— Тогда возьми себя в руки, — отрезал он, но уже мягче, будто вспомнил, что я всё-таки его жена, а не строптивая девочка. — Это ненадолго. Поедим, потанцуем, вернёмся.

Я не стала спорить. Спорить с Андреем было всё равно что спорить с гранитным парапетом.

Карета ждала у подъезда. Кучер, увидев нас, поклонился. Андрей помог мне сесть, но его рука была твёрдой и чужой, будто он поддерживал не жену, а госпожу, которую обязан доставить в целости.

По дороге я смотрела в окно. Петербург был прекрасен: фонари, снег, лёгкий мороз, который щипал щёки, когда я высовывалась из кареты. Но мне казалось, что город смотрит на меня с насмешливым любопытством: «Ну что, княгиня? Опять без ребенка? Опять в красивом платье, чтобы скрыть пустоту?»

Я перевела взгляд на Андрея, сидящего напротив, тени скользили по его красивому лицу, глаза были обращены на улицу.

Как давно мы разговаривали просто, как муж и жена? Без необходимости куда-то спешить, без вечного напряжения?

Я не помнила.

Я хотела было открыть рот и начать разговор, но слова так и замерли на губах.

Андрей даже не заметил мою попытку, всё так же неотрывно следя за прохожими на улице.

И я тоже отвернулась к окну.

Дом Голицыных сиял огнями. У подъезда толпились кареты, лакеи сновали туда-сюда, в воздухе витал запах духов, пудры и чего-то ещё — того самого, что бывает только в домах, где живут люди, уверенные в своём праве быть здесь.

Мы вошли. Музыка, голоса, смех — всё обрушилось на меня разом, как ледяной дождь. В прихожей Андрей на секунду задержался, чтобы перекинуться парой слов с каким-то полковником, а я осталась стоять, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

— Княгиня?

Я моргнула и увидела перед собой лакея в тёмно-зелёной ливрее. Он держал на руках мою соболью накидку и почтительно ждал, когда я освобожу плечи.

— Благодарю, — сказала я.

Голос прозвучал тише, чем мне хотелось.

Андрей уже закончил разговор. Полковник, с которым он беседовал, рассыпался перед ним в любезностях, похлопал его по плечу и, отступив, ещё некоторое время смотрел вслед. Я знала этот взгляд. Так смотрели почти все мужчины, когда Андрей проходил мимо: с уважением, завистью, восхищением и лёгким желанием оказаться на его месте.

А женщины смотрели иначе.

Они ловили его глаза, выпрямляли спины, поправляли перчатки и делали вид, будто случайно оказались рядом. Андрей давно привык к этому вниманию. Он принимал его

спокойно, иногда даже с некоторой насмешкой, но никогда не отталкивал слишком резко. В этом он был безукоризнен, впрочем, как во всём остальном.

— Идёмте, — сказал он.

Он подал мне руку.

Я положила пальцы на его рукав и почувствовала под ладонью плотную шерсть мундира. От него пахло морозом, кожей перчаток и едва уловимым табаком. Когда-то от этого запаха у меня кружилась голова. Теперь голова кружилась сама по себе.

Мы вошли в главный зал.

Дом князей Голицыных всегда поражал меня. В нём было что-то чрезмерное, почти театральное, но не безвкусное. Пространство словно создавали не для жизни, а для того, чтобы каждый входящий сразу понял: здесь привыкли к богатству и не считают нужным его скрывать.

С потолка, украшенного лепными листьями и золотыми розетками, свисали три огромные люстры. В хрустальных подвесках дрожали сотни свечей, и свет дробился на мелкие огни, скользил по зеркалам, вспыхивал в бриллиантах и тут же гас в тёмных складках бархата. Между окнами стояли высокие зеркала в золочёных рамах, привезённых, кажется, ещё при покойном князе. Они отражали зал до бесконечности: дамы в шёлке, офицеры в мундирах, белые плечи, веера, драгоценности и бесконечное движение.

По стенам висели портреты предков Голицыных. Муж-

чины в париках и орденах смотрели на гостей с тяжёлым, немигающим достоинством, а женщины в платьях с жёсткими корсажами словно молча оценивали каждую современную нарядную даму, решая, достаточно ли та хороша для их рода.

Пахло свечным воском, розами, дорогими духами и натёртым до блеска паркетом. Где-то за двойными дверями уже играли музыканты — скрипки выводили лёгкую, почти воздушную мелодию, а виолончель держала под ней глубокую, тёплую ноту.

Я попыталась вдохнуть поглубже, но запах цветов и духов мгновенно вызвал новый приступ дурноты.

— Анна Николаевна!

К нам навстречу торопливо направилась княгиня Голицына.

Она была женщиной лет сорока пяти, высокой, ещё красивой, с густыми тёмными волосами, собранными в высокую причёску. В её наряде не было той вызывающей роскоши, которой блистали некоторые молодые дамы. На ней было платье из тёмно-синего бархата с широкими рукавами, отделанными серебряной вышивкой. На шее — одна-единственная нитка крупных жемчужин. Они лежали у самого горла спокойно и благородно, словно не нуждались в том, чтобы доказывать свою ценность.

Княгиня улыбалась не так, как улыбались многие в свете. Её улыбка не была ни расчётливой, ни любопытной. В ней не

чувствовалось желания узнать, что нового случилось в моей семейной жизни, и потом пересказать это за чайным столом.

Она действительно была рада меня видеть.

— Вы приехали! — воскликнула она, протягивая мне обе руки. — Я уже боялась, что вы опять предпочтёте тихий вечер дома.

— Мы не могли отказать вам, — ответил Андрей за нас обоих.

Княгиня посмотрела на него, и в её глазах мелькнуло весёлое раздражение.

— Разумеется. Вы никогда не отказываете там, где требуется ваше присутствие, князь. А уж там, где вас ожидают пять генералов, два посланника и половина Петербурга, тем более.

Андрей улыбнулся. Едва заметно, одним уголком губ, но улыбнулся.

Я невольно посмотрела на него.

Он был великолепен. Парадный мундир сидел на нём так, будто его шили не по мерке, а специально создавали для его фигуры. Тёмно-зелёная ткань подчёркивала ширину плеч, золотые шнуры и вышивка выделяли грудь, на которой блестели ордена. Белые перчатки он держал в левой руке, а правой всё ещё поддерживал меня под локоть.

Княгиня Голицына заметила мою бледность.

— Анна Николаевна, вы хорошо себя чувствуете?

— Прекрасно, — ответила я слишком быстро.

Княгиня задержала на мне взгляд. Она была из тех женщин, которых невозможно обмануть одной улыбкой, но достаточно хорошо воспитана, чтобы не разоблачать её перед всеми.

— Тогда я буду считать, что вы просто устали от дороги. После приветствий непременно отдохните в малой гостиной. Я велю принести туда чай.

— Это лишнее, — отозвался Андрей, снова не дав мне ответить самой. — Анна прекрасно себя чувствует.

Княгиня перевела взгляд на него.

— И всё же, Андрей Сергеевич, я сегодня хочу быть особенно заботливой с вашей очаровательной супругой.

В её тоне не было резкости, но я всё равно ощутила странное, почти непривычное удовольствие. Она разговаривала с ним как с равным. Не как с героем войны, не как с любимцем света, не как с человеком, чьё расположение нужно заслужить.

Андрей чуть склонил голову.

— Как прикажете.

Княгиня снова улыбнулась мне и сжала мои пальцы.

— Я очень рада, что вы приехали. Сегодня будет много скучных людей, но мы не позволим им испортить вечер.

В её голосе звучала свобода — настоящая, внутренняя. Она не оглядывалась на окружающих, не проверяла, кто услышал её слова, не подстраивалась под чужое настроение. Я смотрела на неё и невольно завидовала. Княгиня Голицы-

на могла позволить себе быть собой.

Я же, напротив, не была уверена, что когда-либо умела это.

Вокруг нас начали собираться люди.

К мужу подошёл граф, которого я знала лишь по имени, затем молодой дипломат, потом двое офицеров. Кто-то поздравлял Андрея с назначением, кто-то расспрашивал о южных губерниях, кто-то вспоминал общих знакомых. Муж отвечал всем спокойно, сдержанно, но достаточно любезно, чтобы каждый уходил убеждённым: именно ему Андрей уделил особое внимание.

Я осталась рядом, улыбалась, кивала, когда требовалось, и старалась не слишком явно держаться за веер.

Мимо проходили дамы в роскошных нарядах.

Кто-то смеялся у камина. Там стояли несколько кавалеров в парадных мундирах: синих, зелёных, чёрных, украшенных золотым шитьём.

Музыка сменилась. В зал вошли пары.

Андрей повернулся ко мне.

— Вы будете танцевать первый вальс?

Я подняла на него глаза.

— Если вы приглашаете меня.

— Разве может быть иначе? — сухо отозвался муж.

Он говорил так, будто вопрос был излишним. Разумеется. Мы были мужем и женой. Он должен был танцевать со мной хотя бы один раз за вечер, так же как должен был сопровож-

дать меня на приём и подавать руку при выходе из кареты.

Всё просто и буднично.

Я положила пальцы на его ладонь.

Когда-то от одного этого прикосновения у меня учащался пульс. Теперь я чувствовала лишь холод его перчатки.

Музыка началась.

Андрей танцевал безупречно. Он всегда танцевал безупречно. Вёл уверенно, легко, не допуская ни одного неверного движения. Его рука лежала на моей талии, но между нами будто оставалась невидимая стена.

Я пыталась смотреть мимо его плеча, на светлые огни люстр, на скользящие по паркету пары, на отражение в зеркале. Но перед глазами всё плыло.

— Вы опять бледны, — тихо сказал Андрей.

— Я говорила, что мне плохо.

— Надеюсь, хотя бы сегодня вы не устроите сцену, — произнёс он рядом с моим ухом, скользя внимательным взглядом по зале, — мне достаточно того, что весь Петербург уже говорит о ваших бесконечных недомоганиях. Поэтому сегодня будьте так любезны, потерпеть хотя бы до десертов.

— Я не уверена, что смогу долго оставаться, — честно призналась я, подавляя очередной приступ тошноты.

Он чуть сильнее сжал пальцы на моей талии.

— Анна.

Одного этого слова было достаточно, чтобы я замолчала.

Я знала этот тон. Не повышенный, не резкий — напротив,

тихий и почти ласковый. Но именно так Андрей говорил со мной, когда хотел прекратить разговор.

Мы сделали ещё несколько поворотов. Розовый атлас платья зашуршал, жемчужины на корсаже поймали свет свечей. Несколько человек повернули головы в нашу сторону. Я заметила это и заставила себя улыбнуться.

— Улыбнитесь естественнее, — тихо сказал Андрей.

Я едва не рассмеялась.

— Разве моя улыбка недостаточно естественна?

— Не начинайте, Анна.

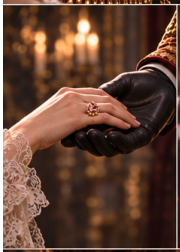
— Я и не начинала, — ответила я, встречаясь с его внимательным взглядом.

Музыка закончилась. Андрей поклонился мне, как полагалось кавалеру, и отпустил мою руку.

— Отдохните, — сказал он. — Я должен поприветствовать князя Орлова.

Он ушёл прежде, чем я успела ответить, оставив меня стоять одну посреди залы.

Нет, конечно же я не была одна. Вокруг было множество людей. Дамы двигались по залу, кавалеры переговаривались, лакеи разносили бокалы с шампанским и маленькие фарфоровые чашки с пуншем. Но одиночество иногда не имеет отношения к числу людей вокруг.

Я отошла к окну.

За стеклом темнел Петербург. На Невском горели фонари, по снегу скользили экипажи. На мостовой отражались жёлтые огни, и казалось, будто весь город движется по воде.

— Княгиня Рязанова, вы не узнаёте меня?

Я обернулась.

Передо мной стояла княгиня Мещерская — высокая, нарядная дама с острым лицом и светлыми глазами. На ней было платье из зелёного шёлка, слишком яркого для её возраста, но искусно подобранного к крупным изумрудам на шее. Рядом находились две молодые женщины, одна в голубом, другая в сиреневом, обе с одинаково любопытными улыбками.

— Разумеется, узнаю, — ответила я с улыбкой.

— Как мило вы выглядите, — сказала одна из молодых дам. — Этот оттенок вам очень идёт. Правда, княгиня Мещерская?

— Розовый всегда к лицу молодым женщинам, а в моём

возрасте этот цвет сделал бы из меня объект для насмешек, — ответила та.

Сухой юмор Мещерской всем понравился, дамы плавно задвигали веерами, прикрывая улыбки.

— Вы слышали, что госпожа Арсеньева снова будет петь в Итальянской опере? — спросила дама в сиреневом, быстро меняя тему. — Говорят, на этот раз она требует за один вечер столько, сколько иная семья тратит на год.

— Она может себе позволить, — сказала княгиня Мещерская. — После последнего выступления ей писали даже из Парижа.

— Писали не ей, а её покровителю, — заметила дама в голубом, весело блестя глазами. — Он куда влиятельнее самой госпожи Арсеньевой.

— Не будьте жестоки, — улыбнулась Мещерская. — В Петербурге женщина не может быть талантливой, если рядом с ней нет мужчины, который оплачивает её платья.

Дамы засмеялись.

Я постаралась улыбнуться вместе с ними, хотя голова становилась всё тяжелее.

— А вы слышали о молодом художнике Бельском? — продолжила дама в сиреневом. — Он выставил новый портрет в Академии. Все говорят, что это произведение будущего.

— Все говорят, потому что графиня Воронцова купила ему мастерскую, — сухо ответила Мещерская. — Без её денег его картины никому не были бы нужны.

— Но он действительно талантлив.

— Он действительно красив, — поправила её дама в голубом. — В Петербурге это более надёжное основание для успеха.

— И весьма удобно, если художник умеет благодарить своих покровительниц, — многозначительно добавила Мещерская.

Снова раздался смех.

Я слушала их вполуха. Слова расплывались, будто доносились из соседней комнаты. Мне хотелось прислониться к оконной раме, но я боялась, что это заметят.

Взгляд сам собой скользнул по залу в поисках Андрея.

Он стоял у дальней колонны. Вокруг него собрались несколько мужчин, но его внимание было обращено не к ним. Перед ним находилась фрейлина императрицы, княжна Елизавета Михайловна Оболенская.

Я знала её имя, хотя никогда прежде не разговаривала с ней близко. В Петербурге о ней говорили часто и всегда понижали голос. Она была одной из самых влиятельных женщин при дворе и пользовалась исключительным доверием императрицы. Ей приписывали ум, властность и редкую способность добиваться всего, чего она хотела.

В последние месяцы мне несколько раз намекали, что хочет она теперь одного — моего мужа.

Фрейлина была одета в платье цвета тёмного сапфира. На её белой коже сияло колье с крупными бриллиантами, а в

волосах блестела маленькая звезда. Она держалась свободно и непринуждённо, будто весь зал принадлежал ей.

Андрей улыбался ей.

Не той вежливой улыбкой, которую дарил окружающим. Он наклонился к ней, чтобы лучше расслышать слова, и ответил что-то, отчего она рассмеялась. Затем подал ей бокал, хотя рядом находился лакей.

Я не слышала, о чём они говорили.

Мне было достаточно видеть.

Я сделала глоток шампанского и неожиданно почувствовала такой сильный приступ дурноты, что пришлось вцепиться в колонну.

Другие дамы это сразу заметили.

— Дорогая Анна, вам надо присесть, — произнесла княгиня Мещерская.

Дамы внимательно следили за моим лицом, которое, как я уже знала, было очень бледным.

— Благодарю вас, княгиня, всё хорошо, — ответила я, стараясь придать своему лицу непосредственное выражение.

Я не могла подвести Андрея. Только не сегодня.

Княгиня Голицына, проходившая через зал, остановилась.

Она сразу заметила моё состояние.

— Анна Николаевна?

Я выпрямилась.

— Всё хорошо.

— Вы так говорите уже второй раз за вечер, — мягко ответила она. — И оба раза это было неправдой.

Княгиня Мещерская с любопытством посмотрела на меня, и я почувствовала, как к щекам приливает кровь.

— Мне просто немного душно.

— Тогда вам следует сесть.

— Нет, не стоит беспокоиться.

— Я не беспокоюсь, — сказала княгиня Голицына. — Я распоряжаюсь.

Она повернулась к проходившему мимо слуге.

— Принесите княгине Рязановой воды. И откройте окно в малой гостиной. Нет, лучше проводите её туда.

— Я могу остаться здесь, — возразила я.

— Конечно, можете. Но я не позволю вам упасть посреди моего зала. Это испортит настроение гостям, а я слишком дорожу их хорошим настроением.

В её словах была шутка, и я невольно улыбнулась.

Княгиня Голицына взяла меня под руку. Её прикосновение было уверенным, но осторожным.

— Вам дурно с самого начала вечера?

Я не хотела отвечать. Но перед ней почему-то оказалось трудно лгать.

— Немного.

— От жары?

— Вероятно.

Она бросила быстрый взгляд на моё лицо.

— Или от лекарства?

Я замерла.

— Почему вы так решили?

— Потому что у вас тот же взгляд, какой бывает у людей после хинина. Мой младший сын однажды выпил слишком много и потом два часа уверял, что люстра разговаривает с ним по-французски.

Я попыталась рассмеяться, но желудок болезненно сжался.

Княгиня перестала улыбаться.

— Анна, вам действительно плохо.

Я опустила глаза.

— Я справлюсь.

— Женщины вашего возраста слишком часто считают, что обязаны справляться с тем, с чем мужчина давно вызвал бы врача.

Я ничего не ответила.

Она сжала мою руку.

— Где ваш муж?

Я посмотрела в сторону колонны.

Андрей всё ещё разговаривал с фрейлиной.

Княгиня проследила за моим взглядом и нахмурилась.

— Разумеется, — произнесла она тихо. — Он там.

— Не нужно его звать, прошу вас, — прошептала я, поднимая на княгиню взгляд, полный мольбы.

Княгиня сжала губы, ее взгляд был полон решимости, и

меня это ужасно напугало.

— Напротив, нужно.

— Я сама подойду.

— Вы едва стоите.

— Он рассердится, если вы прервёте его разговор.

Княгиня Голицына посмотрела на меня с таким выражением, будто я сказала что-то совершенно невероятное.

— Если ваш муж способен сердиться на человека, который зовёт его к больной жене, то сегодня он будет иметь возможность проявить свой дурной характер перед всеми собравшимися гостями.

Я хотела возразить, но она уже направилась через зал.

Я осталась возле колонны, держась за веер. Слуга принёс воду в тонком хрустальном стакане. Я сделала глоток, но вода показалась мне тёплой и безвкусной.

Вокруг продолжали говорить, смеяться и танцевать.

Жизнь светского вечера не изменилась из-за того, что мне было плохо.

Музыка звучала всё громче. Свечи расплывались золотыми кругами. Дамы мелькали перед глазами, и их наряды превращались в движущиеся пятна: алый шёлк, белый тюль, серебряная вышивка, голубые ленты, чёрный бархат.

Я видела, как княгиня Голицына подошла к Андрею.

Она что-то сказала ему. Он не сразу повернул голову. Затем посмотрел в мою сторону.

Даже на расстоянии я увидела, как изменилось его лицо.

Не тревога.

Раздражение. Холодное, едва скрытое раздражение человека, которого снова отвлекли от важного разговора.

Он коротко кивнул фрейлине и направился ко мне.

Каждый его шаг отдавался у меня в висках.

— Что с вами опять случилось? — спросил Андрей, остановившись передо мной, складывая руки за спиной.

— Мне плохо.

— Вам уже принесли воды.

— Вода не помогает.

— Тогда присядьте.

— Я хочу домой.

Он оглянулся на зал, на людей, которые якобы не смотрели в нашу сторону, но наверняка слышали каждое слово.

— Анна, не начинайте.

— Я не начинаю. Я прошу вас отвезти меня домой.

— Вы понимаете, где находитесь?

— У князей Голицыных.

— Именно. И вы хотите покинуть бал через четверть часа после приезда?

— Я не могу здесь оставаться.

Он наклонился ко мне. Со стороны могло показаться, что он заботливо что-то говорит мне на ухо. На самом деле его голос был тихим и твёрдым:

— Возьмите себя в руки.

Я почувствовала, как внутри поднимается обида.

— Андрей…

— Не позорьте меня перед гостями.

Княгиня Голицына стояла неподалёку и всё слышала. Я заметила, как напряглись её губы.

Но Андрей смотрел только на меня.

В его серых глазах не было ни нежности, ни тревоги. Только требование: держись, улыбайся, будь удобной.

Я хотела сказать ему, что мне действительно плохо. Что я не придумываю. Что каждое утро глотаю горькую настойку, от которой у меня дрожат руки и темнеет в глазах. Что я не пытаюсь испортить его вечер, не хочу унизить его перед гостями и не собираюсь устраивать сцену.

Я хотела сказать, что мне страшно.

Но музыка вдруг стала далёкой.

Сначала исчезли голоса, потом запахи, потом свет свечей. Остался только Андрей — его лицо, его холодные глаза и золотые ордена на груди.

Я сделала шаг назад.

— Анна? — услышала я голос княгини Голицыной.

Пол качнулся под ногами.

Я успела заметить, как Андрей резко протянул ко мне руку. На этот раз в его лице не было раздражения.

Только страх.

Его пальцы сомкнулись на моей талии, но удержать меня он не успел. Тело стало тяжёлым и чужим, веер выпал из руки, а перед глазами разлилась густая тьма.

Я почувствовала, как Андрей подхватил меня на руки.

И впервые за долгое время услышала в его голосе настоящий испуг:

— Анна!

Но Андрей смотрел только на меня.
В его серых глазах не было ни нежности, ни тревоги. Только требование: держись, улыбайся, будь удобной.
Я хотела сказать ему, что мне действительно плохо. Что я не придумываю. Что каждое утро глотаю горькую настойку, от которой у меня дрожат руки и темнеет в глазах. Что я не пытаюсь испортить его вечер, не хочу унизить его перед гостями и не собираюсь устраивать сцену.
Я хотела сказать, что мне страшно.
Но музыка вдруг стала далёкой. Сначала исчезли голоса, потом запахи, потом свет свечей.
Остался только Андрей — его лицо, его холодные глаза и золотые ордена на груди.
Я сделала шаг назад.
— Анна? — услышала я голос княгини Голицыной.
Пол качнулся под ногами.
Я успела заметить, как Андрей резко протянул ко мне руку. На этот раз в его лице не было раздражения. Только страх.
Его пальцы сомкнулись на моей талии, но удержать меня он не успел.
Тело стало тяжёлым и чужим, веер выпал из руки, а перед глазами разлилась густая тьма.
Я почувствовала, как Андрей подхватил меня на руки.
И впервые за долгое время услышала в его голосе настоящий испуг:
— Анна!

Глава 2. Горькая правда

Сначала мне приснился запах яблок.

Он пришёл раньше света — терпкий, сладкий, чуть влажный, с примесью нагретой солнцем травы и тёплой коры. Я вдохнула его и сразу поняла, где нахожусь.

В Потапово.

Наше родовое поместье стояло в стороне от больших дорог, среди полей, перелесков и лугов, которые летом казались бескрайними. Дом был не слишком велик и не отличался особой роскошью, но я всегда считала его самым красивым местом на свете. Деревянный, светло-жёлтый, с белыми наличниками и широкой верандой, он смотрел окнами на сад, а за садом начиналась река.

В детстве мне казалось, что весь мир умещается в преде-

лах Потапова.

Здесь были старые липы у крыльца, пруд с заросшими кувшинками, конюшня, где я проводила больше времени, чем полагалось приличной девочке, и огромный яблоневый сад, посаженный ещё моим дедом. Весной деревья покрывались бело-розовой пеной, и под ними невозможно было пройти, не задев плечом цветущую ветку. Летом сад становился густым, тенистым и душистым. Осенью яблоки падали в траву с глухим мягким стуком, и служанки ходили между деревьями с плетёными корзинами.

Я любила осень больше всего.

Мать говорила, что именно осенью сад становился похож на золотое царство. Она собирала яблоки, выбирала самые крепкие и велела относить их на кухню. В огромной медной посуде варились варенья — яблочное с корицей, вишнёвое, малиновое, сливовое. На подоконниках остывали банки с янтарным желе, а в кладовой выстраивались ряды бутылок с компотами.

Моя мать умела превращать самые простые вещи в маленькое чудо.

Она могла часами стоять у плиты, заколов волосы старой деревянной шпилькой, и следить, чтобы сироп не помутнел. Её руки всегда пахли ягодами, мёдом и лимонной цедрой. Иногда она брала меня с собой на кухню, хотя я неизменно мешала слугам и норовила попробовать всё раньше времени.

— Не трогай, Аннушка, — говорила матушка, отводя мою

руку от таза с вареньем. — Оно ещё горячее.

— Но я только посмотрю.

— Глазами смотреть нельзя. Ты всё равно попробуешь.

И она всегда была права.

Я слышала её смех, чувствовала тепло её ладони на своих волосах и снова видела кухню: широкую, светлую, с начищенной медной посудой на стенах и открытым окном, через которое доносился запах яблоневого сада.

Мама была хорошей хозяйкой. Она знала, сколько муки осталось в амбаре, когда нужно менять солому на крышах, какая служанка собирается замуж и какой крестьянин нуждается в помощи. Она умела быть мягкой, не становясь слабой, и строгой, не причиняя страха.

А я была её единственным ребёнком.

Вернее, единственным ребёнком, которому было суждено вырасти.

Трижды до моего рождения в доме появлялось детское счастье, а затем исчезало. Два мальчика и девочка умерли младенцами. О них говорили мало, но я знала, что в старой семейной часовне стояли три маленькие серебряные таблички с их именами.

Иногда я спрашивала матушку, какими они были.

Она отвечала не сразу.

— Твой брат Варлам был очень спокойным ребёнком, — говорила она. — А сестричка Софья улыбалась во сне. Её волосы были светлее твоих.

О третьем ребёнке она почти никогда не рассказывала. Уже потом я поняла, что это оттого, что ей было слишком больно.

Я не помнила своих братьев и сестру, но с детства чувствовала их присутствие в доме. Мне казалось, что я должна была жить за всех четверых. Быть здоровой, счастливой, смеяться громче, чем положено, и никогда не жаловаться на пустяки.

Род Жемчужных не был богат.

У нас не было огромных дворцов, десятков экипажей и пышных приёмов каждую неделю. Потапово требовало постоянных забот, а доходы едва позволяли сохранять старый дом, содержать несколько лошадей и не отказывать крестьянам в помощи в неурожайные годы.

Но фамилия наша была древней.

В семейной гостиной висел потемневший портрет нашего предка — князя Фёдора Жемчужного, человека с суровым лицом и длинной тёмной бородой. Говорили, что он ходил в походы с Иваном Грозным и однажды спас царскую рать во время переправы через реку.

История эта переходила в семье от отца к сыну и каждый раз становилась немного красивее. По одной версии, князь Фёдор первым заметил засаду. По другой — вытащил из воды раненого воеводу. По третьей — закрыл грудью чуть ли не самого государя.

Я не знала, какая из этих историй была правдивой. Но мне

нравилось думать, что наш предок был именно таким, каким его описывали родители: смелым и честным.

За честность он снискал уважение даже у грозного царя.

Отец часто говорил:

— Титул можно унаследовать. Честь — нет.

Мой отец, князь Николай Варламович Жемчужный, служил полковником. Он был высоким, широкоплечим мужчиной с проседью в усах и добрыми глазами. В армии его уважали не за происхождение и не за строгость, хотя строгостью он обладал. Офицеры любили его за справедливость.

Он помнил, у кого из солдат заболела мать. Знал, кому нужно выдать жалованье раньше срока. Не позволял наказывать человека за проступок, если тот был вызван голодом или отчаянием.

Офицеры его полка часто бывали в Потапово.

Они приезжали на несколько дней, привозили с собой дорожные сундуки, рассказы, шум и запах конского пота. В столовой становилось тесно от голосов, за ужином бесконечно спорили о войне, политике и лошадях, а отец смеялся так громко, что его было слышно даже в саду.

Мать принимала молодых офицеров с особым теплом, изливая на них всю свои неистраченную материнскую нежность и заботу.

Я любила эти вечера.

Мне позволяли сидеть за столом дольше обычного, если я обещала не вмешиваться в разговоры. Разумеется, я никогда

не сдерживала обещание.

Я задавала офицерам вопросы, спорила с отцом, требовала рассказать о дальних городах и возмущалась, когда мужчины говорили, что женщинам не следует интересоваться военным делом.

Мне вообще многое что позволяли родители. Я росла вольным ребенком. Могла бегать по саду босиком, забираться на самые высокие ветви, ездить верхом без дамского седла и возвращаться домой в платье, покрытом травой и грязью. Учителя жаловались, что я не способна спокойно сидеть над книгами, а гувернантка уверяла матушку, что из меня никогда не выйдет настоящей барышни.

Отец на это отвечал:

— Пусть сначала вырастет. Настоящей барышней она успеет стать, если сама того захочет.

Я не хотела.

Я хотела бегать, спорить, плавать в реке и знать всё на свете.

Но не хотела замуж.

Мать качала головой и украдкой вытирала слёзы.

Мне было тринадцать лет, когда я впервые увидела Андрея Рязанова.

Тогда стояло жаркое лето. Такое, каким оно бывает только в воспоминаниях: нестерпимо яркое, душное, наполненное запахом нагретой воды и травы.

В тот день я сбежала к реке вместе с деревенскими девоч-

ками. Мы купались, плескались у берега и соревновались, кто дольше продержится под водой. Я проиграла, но объявила, что это произошло только потому, что одна из девочек толкнула меня.

Обратно я бежала через сад.

Платье намокло и испачкалось в траве, волосы растрепались, на коленях засохли полосы речного ила. Одна туфля потерялась, а вторую я держала в руке. Мне было весело, и я совсем не думала о том, как выгляжу.

Пока не увидела его.

Он стоял возле дома рядом с моим отцом.

Молодой офицер.

Ему было девятнадцать, но в моих глазах он казался почти взрослым. Высокий, стройный, с прямой спиной и таким спокойным выражением лица, будто весь мир был ему понятен. На нём был светлый летний мундир, подчёркивавший широкие плечи. Тёмно-русые волосы чуть вились у висков, а лицо было настолько красивым, что я на мгновение забыла, как дышать.

Я остановилась за яблоней.

Отец что-то говорил ему, показывая в сторону конюшен. Молодой офицер слушал внимательно, иногда отвечал коротко. Его голос я не слышала из-за расстояния, но мне и не нужно было слышать.

Я просто смотрела.

Мне казалось, что он прекраснее всех людей, которых я

когда-либо встречала.

Даже прекраснее героев на старых гравюрах в библиотеке.

Андрей повернул голову, и я спряталась за стволом, хотя он не мог меня заметить. Сердце забилось так сильно, что я испугалась: вдруг он услышит его стук.

Я стояла в грязном платье, мокрая после купания, с растрёпанными волосами и одной туфлей в руке.

И вдруг впервые в жизни поняла, что мне необходимо выглядеть хорошо.

Я бросилась в дом.

Лестница показалась бесконечной. Я влетела в комнату, захлопнула дверь и долго стояла, прижавшись к ней спиной. Потом подбежала к зеркалу.

В отражении на меня смотрела девочка с покрасневшим от бега лицом, зелёным листиком в волосах и размазанной по щеке полосой грязи.

— Боже мой, — прошептала я.

Я сорвала с себя платье, умылась холодной водой, несколько раз вымыла волосы и заставила горничную найти чистое голубое платье с вышитыми на рукавах незабудками. Потом долго расчёсывалась, хотя волосы всё равно не желали лежать ровно.

Мне было тринадцать, и я ещё не умела назвать то, что со мной происходило.

Я просто хотела, чтобы молодой офицер посмотрел на меня и увидел не ребёнка, не дочь своего командира, а кого-то

особенного.

В конце концов я спустилась вниз.

Кажется, я несколько раз меняла походку, пока шла по лестнице. Сначала мне казалось, что я слишком быстро двигаюсь, потом — что слишком медленно. Я старалась держать голову прямо и не смотреть в сторону гостиной.

Разумеется, ничего не помогло.

Отец увидел меня первым.

— А вот и наша беглянка, — сказал он. — Где ты была, Аннушка?

— В саду.

— Судя по твоему виду, сад был весьма далёк от дома.

Я опустила глаза, но тут же вспомнила, что не должна выглядеть смущённой.

— Я ходила к реке.

Отец покачал головой, однако в его голосе не было настоящего недовольства.

Тогда он повернулся к молодому офицеру.

— Позвольте представить. Это моя дочь Анна.

Я впервые посмотрела на него прямо.

Андрей Сергеевич Рязанов стоял рядом с моим отцом и держал в руках белые перчатки. Он был красив даже больше, чем мне показалось из сада. На лице его не было ни тени смущения или волнения. Только спокойное внимание воспитанного молодого человека.

Он сделал шаг навстречу.

— Княжна.

Он взял мою руку.

Я помню это прикосновение до сих пор.

Его пальцы были тёплыми, осторожными. Он едва коснулся губами моих пальцев — ровно настолько, насколько требовали приличия, — и тут же выпрямился.

Я ожидала, что он улыбнётся. Что задержит взгляд. Что заметит новое платье, ленту в волосах или хотя бы то, как сильно я старалась выглядеть взрослее.

Но Андрей посмотрел на меня совершенно равнодушно.

Так смотрят на дочь своего командира, которую представили из вежливости.

Так смотрят на любую девочку, чьё имя необходимо запомнить, но потом всё равно оно вылетит из головы.

Я влюбилась в него с первого взгляда.

А Андрей?

Правда была в том, что он никогда не любил меня.

Я медленно повернулась на спину, сознание возвращалось постепенно. Тело онемело, голова ещё было тяжелой.

Я чувствовала, что кто-то сидит рядом со мной.

Андрей?

Сердце застучало от радостной надежды.

Затем кто-то наклонился надо мной. Я приоткрыла глаза, свет ударил резко, так что пришлось снова зажмуриться.

Я почувствовала слабость, от которой стало страшно. Казалось, стоит мне сделать вдох глубже — и комната снова

поплывёт, стены растворятся, а я провалюсь в темноту.

— Не торопитесь, княгиня, — произнёс незнакомый мужской голос. — Откройте глаза, когда сможете.

Я подчинилась.

Надо мной склонялся седовласый мужчина в круглых очках. Его лицо было худым, морщинистым, но спокойным. Он держал в руке небольшой серебряный футляр, а другой рукой осторожно нащупывал пульс на моём запястье.

Я не сразу поняла, где нахожусь.

Потолок моей спальни, знакомые белые лепные узоры, тяжёлые шторы, отгораживающие комнату от вечера, камин у дальней стены. На столике возле окна стояла хрустальная ваза с увядшими розами. Рядом лежали мои перчатки, веер и жемчужная шпилька, которую Дуня, должно быть, вынула из моих волос.

Я дома.

Не у Голицыных.

В своей спальне.

— Вы доктор? — спросила я.

Голос оказался слабым и сухим.

— Доктор Соколов, — ответил он. — Меня вызвал князь Рязанов.

Я попыталась приподняться на локте, но доктор тут же остановил меня.

— Не нужно. Полежите спокойно.

— Андрей…

Имя вырвалось прежде, чем я успела его удержать.

Доктор посмотрел на меня поверх очков.

— Князь здесь. Он в соседней комнате.

Сердце забилось чаще.

— Что со мной случилось? Я упала?

— Вы потеряли сознание на несколько минут.

Несколько минут.

Я медленно повернула голову к двери. За ней было тихо.

Взгляд снова упал на доктора.

Я никогда прежде его не видела.

Это показалось мне странным. За последние месяцы в нашем доме перебывало столько врачей, что я уже перестала различать их лица. Одни приезжали в каретах с гербами на дверцах, другие носили французские часы и говорили с таким видом, будто за каждым их словом скрывалась великая медицинская истина. Все они очень хорошо брали за свои услуги.

И почти всех Андрею советовали его друзья.

Они верили в простое правило, как и Андрей: чем выше цена у врача, тем выше его искусство.

Если доктор брал за визит сумму, от которой у обычного человека перехватывало дыхание, значит, он непременно должен был быть гением. Если учился в Париже, Берлине или Вене — тем более. Никто, правда, не интересовался, насколько удачно проходило это обучение и не просил показать аттестат с оценками. Главное, что известный доктор

смотрел строго через очки и громко сморкался, понюхав дорогого табаку.

Каждый из них обещал Андрею, что сумеет меня вылечить.

Точнее не меня — моё бесплодие. Обо мне эти врачи говорили всегда в третьем лице, словно моё бесплодие существовало отдельно.

Они говорили обо мне так, словно я была сложным случаем, неудачным механизмом или сосудом, который необходимо очистить, нагреть, укрепить и запустить.

Андрей всякий раз выслушивал их молча, задавал несколько точных вопросов, а затем обещал щедрое вознаграждение и рекомендации при дворе, если лечение даст результат.

Если я забеременею.

Это было единственным результатом, который имел значение.

Сначала меня лечили пиявками.

Их прикладывали к коже живота, к спине, к вискам. Однажды лекарь решил, что несколько пиявок необходимо поставить ближе к ключице, потому что, по его словам, «кровь должна отойти от головы и направиться к женским органам».

Я не стала спрашивать, каким образом кровь должна была узнать дорогу.

После пиявок на моём теле оставались синяки, жёлтые пятна и маленькие ранки, которые долго кровоточили. Дуня

помогала мне переодеваться и старалась не смотреть на моё отражение в зеркале.

— Потерпите, княгиня, — говорила она.

Все говорили мне это.

Потом мне назначали порошки.

Их растирали в ступках, смешивали с водой, молоком или вином. В некоторых, как мне однажды шёпотом призналась кухарка, были перемолотые лапки лягушек. В других — высушенная кожа гадюк, толчёные корни неизвестных растений и горькие семена, от которых у меня сводило язык.

Лекари уверяли, что подобные средства веками применялись в разных странах и непременно должны помочь.

Один старик с длинными седыми усами даже сказал, что я должна благодарить судьбу за возможность пройти такое лечение.

— Материнство, княгиня, редко даётся без жертв.

Я соглашалась и терпела. Ведь цель оправдывает средства. Так по крайней мере меня уверял Андрей.

Последним таким средством и стала чудодейственная настойка.

О ней говорили особенно много.

Якобы её принимала сама императрица перед тем, как забеременеть первым ребёнком. Врач, назначивший её мне, ссылался на рекомендации придворного медика и произносил название лекарства с таким почтением, словно речь шла не о мутной жидкости в зелёном стакане, а о величайшем

открытии человеческой науки.

Возможно, императрице настойка действительно помогла.

Мне же она приносила только страдание.

Сначала после неё у меня кружилась голова. Потом появилась тяжесть в груди, сухость во рту, дрожь в руках и тошнота. Иногда мне казалось, что я не могу сделать полный вдох. Я просыпалась среди ночи оттого, что сердце билось слишком быстро, а кожа горела, будто под ней разливался огонь.

Но настойку требовали принимать дважды в день натощак и ещё раз перед сном.

Каждый раз, когда служанка приносила знакомый зелёный стакан, меня пробирала оторопь.

Я ещё не успевала увидеть жидкость, а уже чувствовала её запах.

Терпкий, горький, травяной, с чем-то металлическим и приторным одновременно. От одного этого аромата желудок сжимался, к горлу подступала тошнота, а пальцы холодели.

Иногда я просила оставить стакан на столе и уходила к окну. Стояла там, глядя на заснеженный двор, пока настойка остывала.

Потом всё равно возвращалась.

Потому что врач говорил: если я перестану принимать средство, лечение не даст результата.

Потому что Андрей верил врачу.

Потому что я сама хотела верить, что ещё не всё потеряно.

Однажды я попыталась пожаловаться мужу.

Это было утром. Я сидела за туалетным столиком в одной нижней сорочке, потому что сил одеться не было. Дуня принесла мне чай, но от запаха молока меня снова затошнило. Я держала ладонь у горла и старалась дышать медленно.

Андрей вошёл в комнату, уже одетый для службы.

— Ты не готова?

— Мне дурно.

Он посмотрел на меня с тем же выражением, с каким смотрел на разбросанные бумаги или задержавшийся экипаж.

— После настойки?

Я кивнула.

— Попроси врача заменить её.

— Он говорит, что так и должно быть. Лёгкое недомогание означает, что лекарство работает.

Я подняла на него глаза, пытаясь отыскать в них хотя бы каплю нежности или, на худой конец, жалости, но встречала лишь холодную непреклонность.

— Андрей, мне становится хуже с каждым днём.

Муж застегнул манжету, но я хорошо знала по наклону его головы, по сжатым губам, что он раздражен.

— Анна, если результат будет хорошим, то ради этого можно немного и потерпеть.

Меня покоробила холодность этой формулировки.

Он говорил так, словно я была не человеком, которому

больно, а средством, механизмом, который требовалось починить, чтобы он наконец начал работать как следует.

Починить моё тело, чтобы оно наконец дало ему ребёнка, желательно мальчика, наследника рода Рязановых.

И от этого становилось так горько, что хотелось плакать.

— Ваше сиятельство, позвольте вашу руку, мне необходимо измерить пульс, — прозвучал голос врача.

Я снова открыла глаза и посмотрела на мужчину.

Доктор Соколов не был похож на предыдущих врачей. Одет он был весьма скромно, от него не разило жевательным табаком, а спокойный взгляд карих глаз был тёплым и ободряющим.

Я послушно протянула руку, одновременно отмечая, что на мне уже не было бального платья, вместо него я была одета в ночную сорочку.

Врач внимательно прослушал пульс, смотря на циферблат карманных часов.

— Бывали ли раньше с вами подобные обмороки?

— Нет, — ответила я. — Никогда.

Голос звучал хрипло, и Дуня, стоявшая у изголовья, тут же поднесла мне стакан воды. Я сделала маленький глоток, но даже вода показалась тяжёлой.

Доктор Соколов не торопил меня.

— А головокружения? Слабость? Потемнение в глазах?

Я помолчала.

— Головокружения бывали.

— Как часто?

— Сначала редко. Потом чаще.

— Когда это началось?

Я попыталась вспомнить. Время словно распалось на одинаковые дни: настойка утром, настойка вечером, тяжесть в груди, тошнота, сон без отдыха.

— Около месяца назад, — ответила я. — Может быть, немного раньше. После того, как я начала принимать настойку, прописанную доктором Шанским.

Что-то едва заметно изменилось в лице врача.

Он поднял глаза от моего запястья.

— Настойку?

— Да.

— Вы принимаете её сейчас?

— Утром и вечером. Иногда ещё перед сном.

Доктор нахмурился.

— Попросите принести мне это средство.

Я повернула голову к Дуне.

— Принеси настойку.

Дуня кивнула и вышла.

В комнате снова стало тихо. За дверью послышались шаги, приглушённые голоса слуг, затем скрип половиц. Я лежала неподвижно, чувствуя, как слабость медленно растекается по телу.

Доктор Соколов записывал что-то в маленькую книжку. Его почерк был быстрым и мелким.

— Вы давно наблюдаетесь у доктора Шанского? — спросил он.

— Почти год.

— И всё это время принимали разные лекарства?

— Не всё время. Были и другие средства, — на последнем слове я запнулась, так осторожно я придумывала, как назвать ту отраву, что мне давали под видом лекарств.

Доктор поднял на меня взгляд.

— Какие?

Я невольно усмехнулась, но в этой усмешке не было веселья.

— Пиявки. Порошки. Отвары. Что-то из них было приготовлено из корней, что-то — из трав. Один лекарь уверял, что мне следует пить настой из высушенной кожи гадюки.

Доктор перестал писать.

— И вы всё это принимали?

— Если не принимать, как же я могла надеяться на результат?

В глазах врача промелькнуло сочувствие. Он выпрямился и молча посмотрел на меня.

В этот момент дверь открылась.

Андрей вошёл и замер на пороге.

Он уже снял парадный мундир. На нём осталась белая рубашка с расстёгнутым у горла воротом, тёмные брюки и жилет. Волосы, обычно аккуратно зачёсанные назад, упали ему на лоб. Без мундира, орденов и жёсткой военной выправки

он выглядел моложе. И более живым. Настоящим.

Почти таким, каким я помнила его в первые годы нашего знакомства.

Его взгляд скользнул от доктора к моему лицу. Теперь в нём не было раздражения. Впервые за долгое время я увидела там облегчение — словно он всё ещё не верил, что я очнулась, и только сейчас убедился, что я действительно смотрю на него.

— Что с ней? — спросил Андрей. — Говорите.

Доктор Соколов поднялся.

— Пока трудно сказать наверняка, князь. Но у вашей супруги признаки сильного истощения организма. Кроме того, я подозреваю длительное воздействие какого-то токсичного вещества.

Андрей сжал пальцы.

— Токсичного?

— Да.

— Но она прекрасно питается.

Доктор покачал головой.

— Я не говорил, что речь идёт о пище.

Андрей перевёл взгляд на меня.

— Она жаловалась вам на что-нибудь? — спросил осторожно врач.

— Анна действительно говорила, что настойка ей не подходит. Но я не подозревал, что ей настолько плохо.

От его ответа мне стало и горько, и смешно. Он говорил

так, будто я однажды вскользь упомянула о лёгком недомогании, будто сказала, что лекарство имеет неприятный вкус.

Но я говорила ему много раз.

Говорила, что после настойки не могу дышать полной грудью. Что меня трясёт, что темнеет в глазах, что я не могу заснуть. Просила не заставлять меня принимать её. Плакала. Умоляла.

Андрей слышал только то, что хотел услышать.

Ему было достаточно знать, что лекарь обещал ребёнка.

— Я говорила, что мне от неё плохо, — произнесла я тихо, смотря на него.

Андрей развернулся ко мне всем корпусом, что-то промелькнуло в его глазах.

— Анна…

— Я просила вас остановить лечение.

На его лице появилось напряжение, пальцы сжались. И на короткое мгновение мне показалось, что он сейчас подойдет ко мне и возьмёт за руку.

Но он остался стоять на месте, а затем произнёс:

— Я не думал, что это может быть настолько опасно.

Я отвернулась к окну. Я больше не хотела смотреть на него.

Дверь снова открылась.

Дуня вошла, держа в руках знакомый зелёный стакан. Я узнала его ещё до того, как она успела подойти к доктору. Внутри плескалась мутная жидкость желтовато-зелёного

цвета.

Меня тут же затошнило.

Пальцы вцепились в одеяло. В горле возник горький привкус, а перед глазами поплыли тёмные круги. Я отвернула лицо, но запах уже достиг меня — терпкий, травяной, тяжёлый, с металлической горечью.

Краем глаза я заметила, как дрогнуло тело Андрея, он даже сделал один шаг в мою сторону, на затем снова замер.

Доктор Соколов поднялся и взял стакан из рук Дуни.

— Унесите это подальше от княгини, — сказал он. — Ей не следует даже смотреть на настойку. Сейчас одного запаха достаточно, чтобы вызвать новый приступ.

Дуня поставила рядом со мной стакан простой воды и помогла приподняться на подушках.

Комната сразу начала вращаться.

— Медленнее, ваше сиятельство, — попросил доктор.

Я закрыла глаза. Дышать через нос было невозможно, но стоило открыть рот, как горечь снова подступала к горлу.

Андрей подошёл к доктору.

— Что там?

Доктор держал зелёный стакан у окна. Он рассматривал жидкость на свету, затем осторожно понюхал её.

— Я должен убедиться.

Он поставил стакан на стол, достал из кармана тонкую стеклянную палочку, коснулся ею жидкости и поднёс к языку лишь каплю. Его лицо стало серьёзным.

— Здесь есть цимицифуга, — заключил врач, серьезно рассматривая содержимое стакана.

Андрей нахмурился.

— Что это такое?

— Растение. Его иногда используют при лечении некоторых женских болезней. Но крайне осторожно. В очень малых дозах.

— А здесь?

— Я пока не могу определить точную концентрацию, но по реакции вашей супруги и по запаху настойки могу сказать одно: её принимали слишком долго. Возможно, дозировка была выше допустимой.

Андрей побледнел.

— Получается, этот шарлатан травил мою жену?

Доктор посмотрел на него спокойно.

— Я бы не торопился употреблять слово «травил». Врач мог ошибиться. Мог использовать непроверенное средство. Мог не учесть состояние пациентки. Но он обязан был предупредить вас, что при первых же признаках ухудшения настойку необходимо немедленно отменить.

Андрей резко отвернулся к двери и распахнул её. В коридоре тут же появился слуга.

— Немедленно найдите доктора Шанского. Где бы он ни находился, доставьте его сюда!

— Слушаюсь, ваше сиятельство.

— И проследите, чтобы он не покинул Петербург.

Слуга задрожал и исчез за дверью.

Андрей ещё несколько мгновений стоял неподвижно.

— Если с княгиней что-нибудь случится, — произнёс он тихо, — этот человек лишится не только практики. Я отправлю его на каторгу.

Доктор Соколов посмотрел на него поверх очков.

— Угрозами её здоровье не восстановить, князь.

Андрей медленно повернулся.

— Он мог убить её.

— Сейчас важнее другое, ваше сиятельство, — доктор снова подошёл ко мне и проверил пульс, потом продолжил, — организм княгини сильно истощён. Ей необходим покой, лёгкое питание, свежий воздух и наблюдение. Никаких настоек. Никаких порошков, отваров и прочих средств, происхождение которых не подтверждено.

— Всё будет сделано, — немедленно ответил Андрей.

— И никаких новых экспериментов, — добавил доктор. — Ваша супруга не должна принимать ничего, что не назначено после тщательного осмотра.

Андрей кивнул.

— Разумеется.

Доктор задержался, затем спросил осторожно:

— Для чего именно княгине была прописана эта настойка?

В комнате стало тихо.

Я закрыла глаза.

Андрей ответил после паузы:

— Для лечения бесплодия.

Доктор устало вздохнул.

— Понимаю.

В его голосе не было ни удивления, ни осуждения. Только усталость человека, который уже слишком много раз видел одно и то же.

— Подобное нередко встречается в моей практике, — продолжил он. — Супружеские пары, мечтающие о ребёнке, готовы принимать всё, что им обещают. Средства, которые не помогают. Средства, которые вредят. Иногда — откровенные яды, выданные за редкие восточные лекарства.

Андрей сжал челюсти.

— Тогда назовите средство, которое помогает.

Доктор посмотрел на него.

Андрей продолжил:

— Вы сказали, что одни лекарства бесполезны, другие вредны. Тогда назовите те, которые помогают. Её лечат уже пять лет. Пять лет, доктор. Столько длится наш брак.

Мне стало трудно дышать.

Не от настойки. Не от слабости.

Я просто больше не могла слышать его голос.

Пять лет.

Он произнёс это так, будто перечислял срок службы, продолжительность военной кампании или время, в течение которого не удавалось решить задачу.

Пять лет лечения.

Пять лет ожидания.

Пять лет, за которые я должна была стать матерью, родить ему наследника и доказать, что мой брак с ним не был ошибкой.

Я отвернулась к стене.

Мне больше не хотелось видеть лицо Андрея — ни его тревогу, ни раздражение, ни внезапную заботу, появившуюся только после того, как я упала у него на руках.

Я устала.

Устала быть больной женщиной, которую нужно исправить.

Устала быть телом, призванным произвести ребёнка.

Устала надеяться, что однажды Андрей посмотрит на меня и увидит не свою бездетную жену, а меня.

Глава 3. Странная посылка

Они ещё какое-то время разговаривали. Андрей спрашивал, можно ли меня вылечить, что он не пожалеет денег. Врач отвечал спокойно, ничего не обещал. Вообще манера держать себя доктора Соколова сильно отличала его от предыдущих его коллег. Он видел раздражение Андрея, понимал, что богатый князь готов заплатить любую сумму за мнимое лекарство, главное, чтобы оно давало надежду, и неважно, что это лекарство будет снова полной пустышкой. Но честный врач упорно не желал пользоваться удобным случаем обогатиться.

— Подскажите, ваше сиятельство, — спросил наконец доктор, собирая инструменты в саквояж, — в роду у княгини были случаи бездетности?

— Из тех, кого я знаю по её родне, все были здоровы и имели детей, — ответил Андрей.

Доктор помолчал, застёгивая кожаный ремень.

— Возможно, тогда княгине стоит на какое-то время изменить образ жизни.

Андрей поднял на него взгляд.

— Изменить образ жизни?

В его голосе слышалось искреннее недоумение.

— Мы каждое лето выезжаем на воды и живём там до начала театрального сезона в Петербурге. Она много гуляет, правильно питается, не занимается тяжёлой работой. Чего ещё вы от нас хотите?

— Под сменой образа жизни, князь, я имею в виду немного другое. Возможно, вашей супруге стоит на какое-то время перестать думать о беременности и начать просто жить.

В комнате повисла тишина.

Я лежала неподвижно, глядя на складки балдахина над кроватью. Мне было интересно, что именно Андрей ответит на такое предложение. Сама мысль о том, чтобы я перестала думать о главной цели своей жизни, казалась ему, должно быть, почти кощунственной.

Доктор, однако, не растерялся из-за затянувшегося молчания.

— В западной медицине многие мои коллеги склоняются к мнению, что некоторые заболевания начинаются в голове. Человеческий организм тесно связан с душевным состояни-

ем.

— Что вы имеете в виду? — спросил Андрей.

— Я лишь предполагаю, что, возможно, княгиня внутренне не готова стать матерью. Потому её организм и отторгает беременность.

— То есть вы утверждаете, что княгиня сама не хочет иметь детей?

В голосе Андрея появилась та самая нота, по которой можно было понять: его терпение заканчивается.

Я бессильно закрыла глаза.

Прекрасно.

Едва мне начал нравиться доктор Соколов, как он сам дал Андрею ещё один повод обвинять меня же в моём бесплодии.

Доктор, видимо, понял, как были истолкованы его слова, и поспешил уточнить:

— Я ничего не утверждаю, ваше сиятельство. Я говорю лишь о том, что деторождение порой остаётся загадочным процессом. Почему одни совершенно здоровые женщины годами не могут забеременеть, а другие, несмотря на болезни и слабость, рожают одного ребёнка за другим, я не смогу объяснить вам сегодня. Но точно могу сказать: спокойствие и душевное состояние женщины играют в этом вопросе не последнюю роль.

— Моя жена абсолютно счастлива, — немедленно ответил Андрей.

Мне стало смешно.

И очень горько.

Я отвернулась к стене, чтобы он не увидел выражения моего лица. Счастлива. Конечно. Я была княгиней, жила в большом доме, носила дорогие платья и драгоценности, ездила на воды и посещала лучшие балы Петербурга.

Что ещё могла желать женщина?

Наверное, счастья действительно было достаточно. Просто я не умела им пользоваться.

Голова болела всё сильнее. Веки наливались тяжестью, мысли становились вязкими и медленными. Доктор хотел ещё раз проверить мой пульс, но я сослалась на слабость и не стала поворачиваться к нему.

— Отдыхайте, княгиня, — сказал он. — Вам сейчас необходим сон.

Они с Андреем вышли из комнаты.

Через некоторое время я услышала голос мужа в коридоре. Он отдавал распоряжения слугам и повару. Требовал подавать мне только лёгкую пищу, проверять свежесть продуктов и немедленно сообщать ему обо всех изменениях моего состояния.

Если мне снова станет плохо после еды или питья, повару, по словам Андрея, несдобровать.

Муж занялся тем, что умел лучше всего: командовать, контролировать и запугивать.

После их ухода я почти сразу провалилась в сон.

На этот раз мне ничего не снилось. Моё и без того утомлённое сознание словно искало тишины и покоя и наконец нашло их.

Утро выдалось снежным.

Снег искрился на подоконнике, а причудливые узоры на оконном стекле напоминали тонкое кружево. За окнами Петербург казался почти бесцветным: белые крыши, серое небо, голые ветви деревьев и редкие прохожие, торопившиеся по улице, подняв воротники.

Завтрак мне подали в постель.

Он действительно оказался лёгким и при этом удивительно вкусным и сытным. Бульон был прозрачным, золотистым, с несколькими веточками зелени. На серебряном блюде лежали мягкие яйца, тонкие ломтики белой рыбы и немного творога со сметаной. Рядом стояла чашка некрепкого чая и маленькая тарелка с печёными яблоками.

Я съела почти всё.

Дуня, наблюдавшая за мной с таким вниманием, словно я была ребёнком, которому впервые разрешили самому держать ложку, заметно повеселела.

— Вот видите, княгиня, — сказала она, убирая пустую чашку. — А вы боялись, что ничего не сможете есть.

— Я боялась не завтрака, Дуня, а того, что будет после него.

— После него будет обед, — невозмутимо ответила она. — А потом ужин. Князь распорядился, чтобы на кухне сле-

дили за каждым кусочком.

— Он сам распорядился?

— Сам.

В голосе Дуни прозвучала улыбка.

— Пришёл утром на кухню ещё до того, как повар успел поставить воду для кофе. Стоял над ним, пока тот готовил бульон. Всё спрашивал: «А это свежее? А почему вы положили столько соли? А кто принёс рыбу?»

— Бедный повар.

— Он был белее муки, княгиня. Но, по-моему, это очень трогательно.

Я подняла брови.

— Что именно?

— Что князь так о вас заботится.

Дуня произнесла это с мягкой мечтательностью, словно Андрей совершил нечто необыкновенно романтичное: встал с утра пораньше и лично проверил, как варится мой бульон.

Я же видела за этим не нежность, а человека, привыкшего никому не доверять. Он контролировал всё, до чего мог дотянуться, а если не мог — находил способ дотянуться.

— Андрей просто не любит, когда что-то происходит без его ведома, — сказала я.

— Но всё-таки он думал о вас.

— Он думал о том, чтобы я не заболела снова.

— Разве это не одно и то же?

Я не стала отвечать.

Порой забота и контроль действительно выглядели одинаково. Только от заботы становилось теплее, а от контроля — теснее.

— Где князь? — спросила я.

— Уже уехал.

— Так рано?

— Сразу после завтрака. Его ждали по службе.

Дуня немного помолчала и вдруг вспомнила:

— Ах да, княгиня! Сегодня утром приходило письмо от княгини Голицыной, Дарьи Дмитриевны. Она сообщила, что хочет навестить вас.

Я почувствовала неожиданную радость.

— Дарья Дмитриевна приедет?

— Так и написано.

Я давно испытывала к княгине Голицыной искреннюю симпатию. В её присутствии мне было легче дышать. Она не относилась ко мне ни с жалостью, ни с тем снисходительным любопытством, которое так часто скрывалось за светскими любезностями.

— Тогда мне нужно одеться, — сказала я.

— Доктор велел вам отдыхать.

— Я отдыхала всю ночь.

— Вы потеряли сознание вчера вечером.

— И не собираюсь повторять это сегодня.

Дуня посмотрела на меня с сомнением, но спорить не стала.

Одеваться оказалось труднее, чем я ожидала. Даже простое платье казалось слишком тяжёлым, а руки слушались неохотно. Пришлось несколько раз садиться на край кровати, пережидая головокружение.

Я выбрала тёмно-синее домашнее платье с высоким воротником и узкими рукавами. Оно не стесняло дыхания и не требовало корсета. Волосы Дуня собрала в простую причёску, не укладывая их слишком туго.

Когда я вошла в кабинет, ноги всё ещё казались ватными, но слабость отступила настолько, что я смогла дойти самостоятельно.

Мне хотелось заняться делами.

Не потому, что их было много, а потому, что я больше не желала лежать в постели и прислушиваться к каждому толчку сердца.

На письменном столе скопилась корреспонденция. Я разобрала письма от управляющего, просмотрела счета, ответила на записку от модистки и написала в лавки молочника и мясника, чтобы впредь продукты для дома проверяли особенно тщательно.

Работа была простой, почти бессмысленной, но именно это мне и требовалось.

Занять руки.

Занять голову.

Не думать о том, как Андрей смотрел на меня после слов доктора. Не вспоминать, что он назвал меня счастливой. Не

спрашивать себя, действительно ли он верит в это или просто не способен представить другую правду.

На краю стола лежала утренняя газета. Я раскрыла её, надеясь отвлечься.

В ней писали о том, что императорская семья собирается весной отправиться на богомолье в Валаамский монастырь. Ниже сообщалось, что цены на соль снова начали расти после забастовок в Европе. Ещё дальше обсуждали театральную постановку, новый железнодорожный маршрут и предстоящие приёмы.

Обычная жизнь продолжалась.

Петербург спорил о ценах, театрах и поездках императорской семьи, пока я сидела в кабинете и пыталась не думать о том, что моё тело медленно разрушалось от лекарства, которое должно было подарить мне ребёнка.

Где-то незадолго до обеда в дверь постучали.

— Войдите.

Слуга принёс коробку.

Она была невелика, обёрнута плотной коричневой бумагой и перевязана тёмной бечёвкой.

— Почтальон доставил посылку для вашей светлости, — сказал он. — Передал лично.

— От кого?

— Не знаю, княгиня. Здесь только ваша фамилия.

Он поставил коробку на письменный стол и вышел.

Я отложила газету.

На верхней крышке, почти скрытый под печатью, был изображён гербовый вензель рода Жемчужных.

Я нахмурилась.

Посылка от родственников?

Отец и мать умерли больше пяти лет назад. Тётка по материнской линии давно уехала жить в Ниццу и никогда не отличалась особой любовью к переписке. Кроме неё, из близких родственников у меня почти никого не осталось.

Я осторожно перерезала бечёвку.

Под бумагой оказалась деревянная коробка из тёмного дерева. На крышке был выжжен тот же вензель.

Внутри лежали несколько книг в кожаных переплётах и небольшой бархатный футляр.

Поверх книг лежала записка.

Я узнала почерк не сразу. Он был неровным, угловатым, с длинными хвостами у букв.

«Дорогая Аннушка, теперь это всё твоё.

И. В. Ж.»

Я перечитала записку дважды.

Затем вспомнила.

Иван Варламович Жемчужный.

Младший брат моего отца.

Дядя Ваня.

Мы не виделись с ним много лет. О нём в семье старались говорить осторожно, словно опасались, что он может внезапно появиться за дверью и услышать нелестные отзывы.

Его считали чудаком.

Кто-то называл его блаженным. Кто-то утверждал, что он сошёл с ума после неудачного путешествия на Восток. Говорили, будто он забросил службу, поселился где-то на севере и проводил всё время среди рыбаков, купцов и странных иностранных книг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.